

ТАРИХ

ИСТОРИЯ

УДК 281.9(47+57)Р«18»«19»(574)

Тасмагамбетов А.С.

д.и.н., кафедра «Правовые дисциплины»

БЮРОКРАТИЯ И РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ НА ОКРАИНАХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XIX - НАЧАЛЕ XX ВВ. (НА ПРИМЕРЕ КАЗАХСТАНА)

Проблемы бюрократии и бюрократизации нами обычно связываются со светской стороной жизни государства и общества. В то же время, как показывает история, эти проблемы могут напрямую касаться жизни и деятельности религиозных конфессий, а через них и всей духовной сферы жизни общества. Одним из известных примеров в этом отношении может служить «синодальный» период в истории русской церкви. Начало этому периоду было положено в первой четверти XVIII века церковными реформами Петра I, упразднившими патриаршество и подчинившими православную церковь империи Российскому монарху. Охватывая два столетия, данный период продлился до начала XX века.

По отмеченным выше реформам Петра, как известно, наряду с патриаршеством ликвидировалась соборность в управлении русской церковью, а учрежденный им Святейший Синод носил только внешние, не канонические черты соборности. В нем соборное начало подменялось обычной светско-административной коллегиальностью. А данный тип коллегиальности являлся лишь системой внутренней бюрократической организации. В введенном Петром синодальном управлении не было представительства от каждой епархии, да и не было представительства вообще, так как члены Синода назначались правительством и, по сути, он представлял собою не представительство церковное, а государственное бюрократическое учреждение.

В епархиальном управлении были учреждены так называемые консистории, представлявшие собой бюрократические коллегии с

четырьмя – пятью членами из духовенства, назначаемыми Синодом по выбору епископа и светским чиновником-руководителем. Работа же данного органа осуществлялась и определялась обыкновенными светскими чиновниками, которые направляли в нужное русло деятельность несведущих в бюрократических хитросплетениях благочинных.

В полной мере реально руководил Святейшим Синодом и направлял его работу обер-прокурор. Обер-прокурорами Синода за весь период его истории были исключительно светские лица, призванные на практике осуществлять верховенство государства над церковью. На местах же секретарь духовной консистории являлся несомненным хозяином дел в церковной жизни. Хотя по консисторскому уставу он подчинялся непосредственному архиерею, назначал и смещал его с должности только обер-прокурор. Перед обер-прокурором, через голову архиерея, секретарь отчитывался о деятельности духовной консистории. Он владел всей информацией, он мог дать любому делу тот или иной ход, он имел всемогущего покровителя в лице обер-прокурора. Немного находилось архиереев, решавшихся конфликтовать со столь могущественным и реально значимым лицом.

Столь существенные изменения в управлении жизнью и деятельностью русской церкви стали приводить к существенным изменениям и сам дух церковной жизни. Деятельность Синода уже в первые годы приняла внешний, бюрократическо-полицейский характер: «разыскивать разные злоупотребления, искоренять суеверие и свободомыслеие в разных формах». Предписания Синода епископам состояли по преимуществу из таких же наставлений о средствах розыска и искоренения. Все духовные обязанности членов православной церкви были строго регламентированы и расписаны по статьям и параграфам. Здесь было предусмотрено и подробно предписано как держать себя в храмах, как стоять перед иконами, проводить праздники, ходить на исповедь и следить за твердостью в вере православных. Эти попытки «полицейской регламентации неподдающихся ей предметов и явлений духовной жизни» вносили в церковную сферу «мертвящее веяние сухого бюрократизма».

По упоминаемому «синодальному» периоду, по сути и последствиям церковных реформ Петра I достаточно много написано и исследовано. Существует и определенный разброс мнений по данной проблеме: от прямого осуждения церковных

преобразований Петра до оправдания этих преобразований в силу их якобы объективно-исторической необходимости. Но при этом, безусловно, ясно одно – после данных реформ русская церковь была низведена до уровня простого государственного учреждения, деятельность которого отныне подстраивалась, в первую очередь, под государственные интересы. А церковное управление, действительно, в скором времени превратилось в одну из частей сложной государственной машины – в «ведомство православного исповедания».

Превалирование светско-административных начал в деятельности православной церкви в России через бюрократизацию церковного управления отразилось в ее жизни и на окраинах империи. Данное явление наложило свой отпечаток как на процесс распространения и организационного развития православия на присоединенных к Российской империи территориях в рассматриваемое время, так и на характер православного миссионерства в этих регионах, в частности в Казахстане.

Северо-западные районы Казахстана стали входить в состав обширного Оренбургского края в 40-ые годы XVIII века, когда здесь стала создаваться Оренбургская губерния. В церковно-административном отношении территория Оренбургской губернии до учреждения самостоятельной епархии, то есть до конца XVIII века, была подчинена по своим отдельным частям разным епархиальным центрам.

В конце XVIII века в пределах Оренбургского края учреждается относительно самостоятельная епархия. Но, при общем военно-гражданском единстве, Оренбургский край в церковно-административном отношении по-прежнему представлял собой значительную разрозненность. Это в достаточной степени затрудняло взаимоотношения гражданской и духовной властей. К тому же обширность территории, в связи с увеличением православного населения в крае и умножением церквей, делала весьма затруднительным его управление епархиальным начальством. Отмеченные причины приводят к разделению в 1859 году Оренбургской епархии на две самостоятельные – собственно Оренбургскую и Уфимскую епархии.

Так вот, вопрос об учреждении двух самостоятельных кафедр был в основном инициативой Оренбургского генерал-губернатора Катенина. Первоначально предполагалось учредить собственно

одно викариатство при Оренбургской кафедре, с пребыванием викария в городе Оренбурге, поближе к сосредоточению раскольнического населения. В этом отношении в марте 1858 года даже было отправлено представление в Синод от Оренбургского архиепископа Антония I. Но генерал-губернатор Катенин – инициатор полного разделения епархии на две самостоятельные – личным ходатайством перед обер-прокурором Синода настоял на учреждении в Оренбургском крае полностью самостоятельной епархии с пребыванием епархиальной власти в городе Оренбурге. Синод согласился с предложениями Катенина и представленный им по этому вопросу доклад получил императорское утверждение 21 марта 1859 года.

Отмеченные события позволяют обратить внимание на немаловажную особенность в деятельности официальных православных церковных организаций на окраинах империи в этот период. Так, обращает на себя внимание активное и видное участие и влияние на епархиальные дела русской православной церкви военно-гражданской власти. Вот как комментирует это один из известных дореволюционных исследователей истории православия в Оренбуржье Николай Чернавский: «Объясняется это тем, что Оренбургский край, по условиям его исключительности, как именно окраина и при том недавно присоединенная под скипетр Русской власти, нуждающаяся посему в особых, часто экстренных, мерах по умиротворению его и устройению разноплеменного населения,- находился вплоть до упразднения в 1881 году генерал-губернаторства под гласным управлением лиц с высшими полномочиями военно-гражданской власти и даже с политическими функциями, каковыми и были сначала военные губернаторы, а потом генерал-губернаторы.

По своему положению и отмеченному выше особому статусу эта власть не только оказывала существенное влияния на дела епархиального управления, но, зачастую, по многим важнейшим вопросам церковной жизни мнения военно-гражданских руководителей края имели решающее значение. Это накладывало отпечаток и на непосредственные взаимоотношения между военно-гражданским и духовным начальством края. Вот как пишет об этом Н.Чернавский: «...Даже внешним образом это выражалось в том, что по открытии кафедры в г.Оренбурге представители духовной власти, епископы, делали первыми праздничные визиты генерал-губернатору, который потом отдавал визит епископу». В

подтверждение к сказанному он в качестве примера приводит также события 1854 года, когда по требованию генерал-губернатора Перовского были приостановлены только что начатые миссионерские действия среди местного неправославного населения, и когда Синод, по получении известия об этом, распорядился «и на будущее время в подобных случаях сообразоваться с распоряжениями главного начальника края».

Вообще же власть генерал-губернаторов и военных губернаторов призвана была придавать единство и общее направление административным мероприятиям по разным ведомствам, которые до местной административной реформы 1865 года, проводившей принцип единства и сосредоточения власти, чувствовали себя обособленно и независимо друг от друга. Вследствие этого при отношении с ними по вопросам общего характера епархиальная власть встречала некоторые затруднения при различии взглядов. Так, в Оренбургском крае, помимо управления генерал-губернатора, на правах губернских учреждений были – Оренбургское губернское правление, войсковые правления Оренбургского и Уральского казачьих войск, управление «Оренбургскими киргизами». Кроме того, достаточно весомое значение имела палата государственных имуществ, от усмотрения которой зависели постройка церквей, открытие приходов и содержание причтов в крестьянских селах.

Особую независимость в этом плане чувствовала и придерживалась соответствующей линии Уральская войсковая канцелярия, изначально распоряжавшаяся почти полновластно церковными делами на территории уральских казаков. Поэтому постепенное изъятие этих прав от нее и передача их в консисторию на общих основаниях, с освобождением вообще войсковой канцелярии от вмешательства в дела епархиального ведомства, составило здесь целую историю в административной политике оренбургских епископов по отношению к Уральскому войску, растянувшуюся на десятилетия.

Вот как жаловался по этому поводу Синоду один из руководителей Оренбургской епархии Антоний в 1861 году: «Вмешательство в дела епархиальные вошло здесь в обычай, глубоко укоренившийся. В составе Оренбургской епархии находится управление генерал-губернатора, войсковое правление оренбургского казачьего войска с правлениями полковыми и станичными, Уральская войсковая канцелярия с дистанционными

начальниками. Все эти места и лица, пользуясь прежде отдаленностью от епархиального города Уфы, привыкли распоряжаться не только делами церковными, но и самыми причтами и церковными суммами, из коих последняя и доселе еще считается как бы собственностью войскового начальства»¹. Далее он указывает, что грубо попираются прямые полномочия епархиального руководства: «...Что до духовных лиц, то их, в особенности по войску Уральскому, и определяло даже на места само войсковое начальство. Главные начальники во время своих разъездов по частям своего управления требовали от духовных лиц такого же почета, как и от лиц военных: в некоторых церквях встречаемы были со звоном и святым крестом, и им говоримы были священниками приветственные речи. В делах о постройке церквей казачьи начальства вовсе забывали, что разрешение оных есть дело местного епископа,- и епархиальному начальству сообщали по оным как бы только к сведению. Полковые командиры при обозрении полков требовали подробного отчета и от причтов о состоянии приходов и церковных сумм, проверяли приход и расход оных, делая на книгах свои замечания; самовольно перечисляли отряды и выселки из одного прихода в другой».

Архивные материалы свидетельствуют о том, что при рассмотрении церковных проблем военно-гражданские власти на местах действовали по своему усмотрению и на юге Казахстана, игнорируя при этом духовные официальные инстанции. Так, в предписании управления Оренбургского генерал-губернатора военному губернатору Туркестанской области отмечалось: «...Между тем, до сведения Святейшего Синода дошло, что присланные Преосвященным Варлаамом в область священники: Победононцев (Тимофей), Вознесенский, Егров, Ширяев и Тихомиров, определены по распоряжению Военного губернатора г. генерал-майора Романовского, не в те места, которые им назначены были Епархиальным Начальством, а совсем в другие и что о распоряжении этом Начальство области ни прежде, ни после не сносилось с Преосвященным.

Обер-прокурор Синода, сообщая об этом Оренбургскому генерал-губернатору, просил сделать распоряжение о том, чтобы иерархический порядок, установленный Синодом «в подчинении священников Туркестанской области Оренбургскому Епархиальному Начальству, не был впредь нарушаем со стороны Начальства означенной области».

Учреждение отдельной православной епархии в Туркестанском крае также во многом зависело от местной военно-административной власти. Первоначально само ходатайство об этом на имя обер-прокурора Синода графа Д.А.Толстого в мае 1869 года было подано туркестанским генерал-губернатором К.П.Кауфманом.

Характер и масштабы миссионерской деятельности православной церкви в Казахстане в рассматриваемое время также во многом определялись здешним военно-административным руководством. Более того, местная военно-административная власть иногда даже брала на себя ответственность по вопросам о принятии или непринятии того или иного «инородца» в православие, что приводило к разночтению и неупорядоченности в данном вопросе, особенно в 60–70-ые годы XIX века. Так, Туркестанский епископ Софоний в 1873 году обратился к администрации края с просьбой, чтобы «начальствующие лица» не принимали на себя ходатайство о принятии «кого – бы то ни было из иноверцев» в православие, а отсылали к местным священникам. В предписании по этому вопросу Туркестанского генерал-губернатора военному губернатору Сырдарьинской области, в частности, указывалось: «...Принимая во внимание, что почин в деле обращения в православие лежит на обязанности священников, которые должны поступать с прозелитами на основании церковных правил гражданских законоположений и распоряжений местного Епархиального Начальства, и поэтому находя просьбу Преосвященного Софония вполне основательною, имею честь просить распоряжения Вашего Превосходительства о точном исполнении по вверенной Вам области вышеуказанного требования Епископа».

Рассматривая миссионерскую направленность деятельности русской православной церкви в Казахстане в тот период, нужно согласиться с мнением ряда исследователей, что ее нельзя рассматривать как чисто церковную инициативу. Действительно, в значительной степени она направлялась имперским правительством, ставившим перед православной церковью определенные задачи в рамках своей внутренней политики. А подчинение же проповеднической деятельности политическим целям, естественно, не могло вызывать воодушевления у основной части простых священнослужителей.

Так, различные материалы по рассматриваемой проблеме свидетельствуют, что, некоторая часть православного приходского духовенства на окраинах империи, в тот период так и не встала на позиции «самодержавного» миссионерства. Высшие духовные чины в этих регионах нередко жаловались, что местное приходское духовенство «избегает миссионерского подвига, сторонится миссионерского дела». К этому данные чины добавляли: «У наших миссионеров нет сплоченности, единодушия, однообразно выработанных приемов. Отсюда и происходит, что, несмотря на самоотверженную их деятельность, плоды работы не видны». Наряду с этим и некоторые учителя в русско-казахских школах старались избегать миссионерских поручений «верхов», стремясь не вовлекать в это дело учащихся. Среди населения они в основном проводили просветительскую работу, а отдельные, в начале XX века, открыто отстаивали свободу совести и общественно-политический прогресс.

В тот период, при открытии комитетов и отделении ПМО в разных частях империи, старались в первую очередь заручиться поддержкой местной административной власти. Не были исключениями и регионы Казахстана. Так, Туркестанский епископ Аркадий, обращаясь к генерал-губернатору края Духовскому по поводу открытия здесь комитета ПМО, одновременно предлагал: «...Сообщая об этом, имею честь покорнейше просить Ваше Высокопревосходительство, не найдете ли Вы возможным: во 1-х, сами лично принять на себя звание члена Миссионерского Общества и во 2-х, предложить подведомым Вам чинам, не пожелаютли кто-либо из них принять на себя звание члена названного Общества...».

А военно-административный глава края, в связи с намерением епархиального руководства по открытию в Верном епархиального комитета ПМО, в своем письме военному министру отмечает: «...Вместе с тем, я полагал бы полезным, чтобы на будущее время этого рода вопросы, тесно соприкасающиеся с вопросами гражданского управления Края и являющиеся на нашей окраине больше государственно-политическими, чем религиозными, разрешались бы местной духовной властью не иначе, как по предварительному согласию с генерал-губернатором...».

В целом же, объективных предпосылок и объективной потребности в проведении православного миссионерства на территории Казахстана в XIX-начале XX веков не было. Были, в

первую очередь, имперские цели по политической, экономической и культурно-этнической ассимиляции присоединенных к России территорий. Подтверждением этому было то, что крещение среди казахов имело не массовый, а единичный характер.

Говоря о неэффективности работы Православной Миссии среди казахов во второй половине XIX - начале XX веков можно отметить несколько факторов. К ним, в частности, можно отнести: огромную территориальную протяженность, кочевой быт казахов, активную миссионерскую деятельность татарских мулл и представителей средне-азиатского духовенства, традиционно сильное влияние и важную роль суфиев и ишанов, учитывание в отдельные периоды внешнеполитической и внутривнутриполитической ситуации и др. Но все же, одна из главных причин указывается в выдержке из журнала «Сибирские новости» за 1912 год (№ 7-8). В нем по данному поводу подчеркнуто: «Долгое запрещение всякого инакомыслия в вопросах веры, преследование уклонявшихся мерами полицейскими поставили представителей господствующей церкви в особое положение. Они образовали духовную администрацию, утратив функцию учительства и оставив себе лишь функции надзора. И когда надо было взяться за учительство, не оказалось действительной силы...».

В данной выдержке совершенно точно замечена суть одной из главных причин неэффективности православного миссионерства среди нерусских народов империи в рассматриваемое время. Злоупотребляя своим господствующим положением и, по сути, действительно, представляя собой «духовную администрацию», русская церковь в этот период в деле миссионерства основной упор сделала не на принципы убеждения и осознанного выбора, а на принципы администрирования.

Таким образом, вся церковная организация официального русского православия была окутана паутиной светской бюрократии, лишавшей ее возможности действовать, во-первых, самостоятельно, во-вторых, в истинно духовном направлении. Церковное управление имело замкнутый канцелярский характер: «духовные пастыри» общались с народом все больше через бумаготворчество. Причем, постоянной преградой в деле живого общения между церковью и народом выступал светский бюрократический элемент.

В начале XX века такое положение дел уже признавали представители высших эшелонов власти российской монархии.

Председатель комитета министров того времени С.Ю. Витте, в частности, констатировал следующее: «...У нас церковь обратилась в мертвое, бюрократическое учреждение, церковные служения – в службы не Богу, а земным богам, всякое православие – в православное язычество. Вот в чем заключается главная опасность для России. Мы постепенно становимся меньше христианами, нежели адепты всех других христианских религий. Мы делаемся постепенно менее всех верующими...».

Соответственно, деятельность столь бюрократизированной церковной организации и на окраинах империи в тот период имела нехарактерные для религиозной сферы особенности и последствия, некоторые из которых и были изложены выше.

Список использованной литературы:

1. Левандовский А. Под «железной пятой» // Свободная мысль. – 2000, № 2, с.90
2. Витте С.Ю. О современном положении православной церкви // Православная община. – 1998, №1, с.67
3. Камзина А.Д. Миссионерская деятельность русской православной церкви среди старообрядцев в Оренбургской епархии в XVIII-первой половине XIX вв. // История православия на Урале: сборник статей. - Екатеринбург, 2005, с.134
4. Чернавский Н. К истории Оренбургской епархии. - Казань, 1906, с.4
5. Там же, с.5
6. Там же, с.8
7. Там же, с.8
8. Предписание Управления Оренбургского генерал-губернатора военному губернатору Туркестанской области № 776 от 28 января 1867 г. // ЦГА РУ, Ф.1, Оп.1, Д.1370, Л.1об.
9. Там же, Л.2
10. Яковлев В.А. Из церковной жизни Туркестана. - Верный, 1902, с.9-10
11. Предписание Туркестанского генерал-губернатора военному губернатору Сырдарьинской области по делу об обращении иноверцев в православие № 1365 от 29 мая 1873 г. // ЦГА РУ, Ф.1, Оп.22, Д.514, Л.20
12. Там же, Л.20об.
13. Скворцов В.М. Миссионерский посох. – СПб., 1912. - Выпуск 1, с.3-5
14. Миссионерский съезд в Казани. 13-26 июня 1910 г. – Казань, 1910, с.697
15. Кудряшов Г.Е. Православное миссионерство в Среднем Поволжье : история и оценка его деятельности // История христианизации народов Среднего Поволжья: Критические суждения и оценка: Межвузовский сборник научных трудов. – Чебоксары, 1988, с.55
16. Отношение епископа Туркестанского и Ташкентского Аркадия Туркестанскому генерал-губернатору Духовскому № 99 от 31 мая 1900 г. // ЦГА РУ, Ф.1, Оп.18, Д.56, Л.1об.
17. Письмо генерал-губернатора Духовского военному министру от 15 сентября 1900 года за № 481 // ЦГА РУ, Ф.1, Оп.18, д.56, Л.9об.

18. Коптев А. Миссионерская деятельность в Сибири // Сибирские вопросы. – 1912, №№ 7-8, с.58
19. Витте С.Ю. Из воспоминаний // Православная община. – 1998, № 1, с.59

Бұл мақалада автор Қазақстанды үлгіге ала отырып, ХІХ ғасырдың басы мен ХХ ғасырдағы Ресей империясының орыс православтық шіркеуі жөніндегі мәселелерді қарастырады.

УДК 339.543.62:(47+57)СНГ

Шинтимирова Б.Г.

*д.и.н., профессор кафедры «История и СГД»,
Западно-Казахстанская гуманитарная академия*

ТАМОЖЕННЫЙ СОЮЗ: В РАМКАХ СНГ И СЕГОДНЯ (1991-2005 гг.)

В любом государстве, входит оно в Таможенный союз или нет, существуют свои, индивидуальные интересы. И нередко эти интересы прямо противоположны интересам других стран-участниц новой интеграционной инициативы.

Новый этап экономической интеграции постсоветских стран связан с созданием Таможенного союза. Действие дезинтеграционной тенденции в СНГ особенно чувствительно проявилось в размывании в 1992-1994 гг. единой таможенной территории и единого денежного пространства СНГ. Это определялось разным уровнем, спецификой развития стран СНГ, особенностями организации и осуществления или отказа от хозяйственных реформ. В результате в странах СНГ образовались значительные перепады в уровнях цен, способствующие спекуляциям и вывозу важнейших материальных ресурсов. Своеобразным звеном между западными рынками, Россией, Казахстаном и другими республиками ЦА стали прибалтийские государства, через которые бесконтрольно перевозились ценные виды сырья, включая медь, цинк, свинец и другие товары РК. Обстановкой бесконтрольности на границах стран СНГ воспользовались группы организованной преступности. В этих условиях страны СНГ были вынуждены создавать на своих границах таможенные структуры, вводить различные ограничения